ПОЭТИКА И ИСТОРИЯ ТЕКСТА

POETICS AND HISTORY OF THE TEXT

УДК 82.94

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-5-119-128

Елена Евгеньевна Приказчикова,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Россия),
e-mail: miegata-logos@yandex.ru

Изображение монархов в русской мемуарной литературе XVIII века: в поисках образа идеального правителя

В статье исследуется эволюция традиции изображения монархов в русской мемуарной литературе XVIII века. Объектом анализа в статье стали автодокументальные тексты И. Неплюева, В. Нащокина, Я. Шаховского, Г. Державина, А. Болотова, В. Головиной. Автор доказывает, что именно мемуарная литература, являясь литературой «альтернативной» по отношению к основному корпусу художественных текстов, обладала большими возможностями изображения монарха в традициях частной честной жизни, вне контекста обычного для словесности века Просвещения одо-сатирического мирообраза изображения действительности и государственной культурной мифологии. Автор показывает изменение принципов изображения монархов в зависимости от влияния на писателя господствующих литературно-эстетических направлений XVIII века и мемуарной правды факта, являющейся важнейшей жанрообразующей чертой эгодокументов. В процессе анализа мемуарных источников выясняется, как поиск идеального монарха различными авторами, использующими опыт «самовидцев» событий, заставляет их отказываться от традиционных литературных клише эпохи классицизма при изображении сильных мира сего. Особенно это проявляется в записках Я. Шаховского, Г. Державина и А. Болотова, по сути дела разрушивших классицистический государственный миф. В то же время женщинам-мемуаристкам, например графине В. Головиной, было проще моделировать сентиментальный идеал правителя, что доказывает изображение великого князя Александра Павловича и его супруги в образе Амура и Психеи. Проведённый анализ способствует лучшему пониманию принципов изображения личности в русской словесности XVIII века, подготавливая традицию её романтического моделирования в первой трети XIX столетия.

Ключевые слова: XVIII век, русская литература, мемуарная литература, государственная мифология, образ идеального правителя

Elena E. Prikazchikova,
Ural Federal University named
after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia),
e-mail: miegata-logos@yandex.ru

The Image of Monarchs in Russian Memoir Literature of the the 18th Century: in Search of the Image of an Ideal Ruler

The article explores the evolution of the monarch's image tradition in the Russian memoir literature of the 18th century. The object of analysis in the article are the autodocumentary texts by I. Neplyuev, V. Nashchokin, Ya. Shakhovskiy, G. Derzhavin, A. Bolotov, V. Golovina. The author proves that it was the memoir literature being the literature "alternative" to the main body of literary texts which possessed great possibilities for representation of the monarch in the traditions of private honest life, outside the context of typical for the literature of the Enlightenment odeo-satirical world view and state cultural mythology. The purpose of the article is to trace the change in the principles of the image of monarchs, depending on the influence on the author of the dominant literary and aesthetic trends of the 18th century and the memoir truth of the fact, which is the most important genre-forming feature of

© Приказчикова Е. Е., 2019

ego documents. The process of analyzing memoir sources shows how the search of the ideal monarch by various authors using the experience of "eyewitness" of events forces them to abandon the traditional literary clichés of the classical era in depicting the powerful. This is particularly evident in the notes of Ya. Shakhovsky, G. Derzhavin and A. Bolotov, who essentially destroyed the classic state myth. At the same time it was easier for women-memoirists like Countess V. Golovina to model the sentimental ideal of a ruler, which is proved by the image of Grand Duke Alexander Pavlovich and his wife in the image of Cupid and Psyche. The analysis conducted contributes to better understanding of the principles of representation of the person in the Russian literature of the 18th century, preparing the tradition of its romantic modeling in the first third of the 19th century.

Keywords: 18th century, Russian literature, memoir literature, state mythology, the image of an ideal ruler

Введение. XVIII век в России и Европе был не только веком философов, но и веком просвещённых правителей, изображение которых составляло в эпоху классицизма основное содержание большинства жанров: от эпических поэм («Россияда», «Владимир Возрождённый» М. Хераскова) до басен («Лисица-казнодей» Д. Фонвизина, «Война орлов» А. Сумарокова) и комедий («Недоросль» Д. Фонвизина). В жанре торжественной пиндарической оды образ монарха воспринимался через призму различных поэтических ономоимов: Российский Марс – Пётр I, Астрея – Елизавета Петровна, Российская Минерва, Фелица – Екатерина II.

Поэтому, анализируя данные образы, мы не можем не учитывать аспекты, связанные с культурным мифотворчеством эпохи Просвещения. Данной проблеме были посвящены работы Т. Е. Абрамзон «Поэтические мифологии XVIII века: Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин» (2006), В. Проскуриной «Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II» (2006), «Империя пера Екатерины II. Литература как политика» (2017), А. Зорина «Кормя двуглавого орла»: Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX века» (2001), Wortman Richard S. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1. From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton (1995), S. L. Baehr «The Paradise Myth in Eighteenth Century Russia: Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture» (1991) [1; 5; 11; 16; 18]. В данных монографиях образы российских правителей XVIII века и шире – государственной власти даны через призму культурной мифологии, центральное место в которой занимает государственный миф.

Данное обстоятельство позволило В. М. Живову воспринимать русское Просвещение в утопическом дискурсе «петербургского миража», когда «над Невой нависали сады Семирамиды, Минерва после торжественного молебна отверзала храм Просвещения, Фонвизин обличал порок, и народ блаженствовал» [4, с. 670].

Не меньший, а может быть даже больший интерес, представляет проблема поиска образа идеального правителя в мемуарно-автобиографической литературе, которую Г. Гачев называл литературой «альтернативной» по отношению к основному корпусу русской художественной словесности XVIII столетия [3]. Относясь к «среднему» культурному мирообразу эпохи Просвещения, именно эта литература разрушала рамки привычной для первой половины XVIII века традиции осмысления действительности в одо-сатирическом ключе. Она предлагала изображать человека сквозь призму «частной честной жизни» (термин Г. Гачева), даже если речь шла о «сильных мира сего», правящих монархах.

Американский славист М. Левитт, автор концепции о визуальной доминанте русской культуры XVIII века, так определяет жанровую специфику подобного рода литературы в условиях существующего в обществе этического императива: добродетель да заявит о себе: «Жанр автобиографии стал своего рода площадкой, где эти этические императивы проходили проверку жизнью, поскольку здесь описывалась борьба за добродетель в повседневной жизни» и «добродетель, не получившая должной награды в настоящем, могла рассчитывать на одобрение потомков» [8, с. 226].

Образ монарха, занимающий центральное место в записках людей XVIII века – И. Неплюева, В. Нащокина, Я. Шаховского, Г. Державина, А. Болотова, В. Головиной – моделировал ситуацию, когда «царствующая особа является одновременно и высочайшим примером добродетели, и персоной, ответственной за благополучие других» [Там же, с. 245]. Развитие личностного начала в мемуарно-автобиографической литературе при переходе от классицизма к сентиментализму позволяло наглядно увидеть, как меняются эстетические ориентиры изображения идеального правителя: от Бога до Человека на троне, что было необыкновенно важно, учитывая антропоцентрическую направленность философии Просвещения. В этом новизна нашей статьи.

Цель исследования заключается в рассмотрении эволюции изображения идеального правителя в русских автодокументальных текстах XVIII столетия с учётом влияния на мемуарные источники господствующих литературно-эстетических направлений. Последнее обстоятельство обычно находится вне сферы внимания гуманитариев-историков, например, прекрасного знатока автодокументальных текстов XVIII – первой половины XIX века А. Г. Тартаковского, автора книг «Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX века» (1991) и «1812 год и русская мемуаристика» (1980) [14; 15].

Методология и методы исследования.

В статье используются культурно-исторический, историко-генетический и жанрово-стилевой методы исследования. Кроме того, в статье осуществляется выход на методологический потенциал эмоциологии, позволяющей реконструировать элементы исторической психологии различных субкультур.

Результаты исследования и их обсуждение. Активность мемуарно-автобиографического дискурса проявляет себя уже при осмыслении образа императора Петра I. Он становится героем многочисленных исторических анекдотов, «работающих» на создание целостного государственного мифа. Если в высоких жанрах классицизма Пётр в основном выступал как император-демиург, основатель нового государства и нового типа сознания или же полководец-победитель на полях Марса, то в мемуарах, как правило, актуализировались черты «работника на троне», доступного для простых людей. Особенно отчётливо это проявляется в «Записках» И. И. Неплюева, гардемарина Петровской эпохи, впоследствии дипломата, первого Оренбургского губернатора, ставшего к концу жизни сенатором и конференц-министром. «Записки» Неплюева великолепно отражают культурно-исторический менталитет Петровской эпохи, несмотря на то, что мемуарист работал над ними, главным образом, в эпоху Екатерины II. Антитетичность екатерининской эпохи по отношению к петровскому времени явственно бросалась в глаза современникам, найдя своё яркое отражение в монологах фонвизинского Стародума.

Образ «работника на троне», прославленный в пушкинских «Стансах», у Неплюева вербализируется в сюжете экзамена русских гардемарин, вернувшихся из Испании, в коллегии в присутствии царя. Пётр I, реализуя мифологему «работника на троне», впоследствии актуализированную в «Стансах»

А. С. Пушкина, показывает мемуаристу свои руки со словами: «Видишь, братец, я и царь, да у меня на руках мозоли; а всё от того: показать вам пример и хотя б под старость видеть мне достойных помощников и слуг отечеству»¹. Демократизм Петра по отношению к простым людям, проявляется в анекдоте об опоздании Неплюева на службу из-за того, что накануне «был в гостях и долго засиделся». Эта искренность подкупает венценосного собеседника, великодушно простившего мемуариста со словами: «Спасибо, малый, что говоришь правду. Бог простит. Кто бабе не внук!»². Второй анекдот того же плана – анекдот про крестины у жены плотника, который служит под командой мемуариста. Пётр целуется с женщиной, «жалует» ей 5 гривен, а затем пьёт за здоровье матери и «крестника» поданное в рюмке вино, закусывая его, по случаю поста, морковным пирогом. Подобный образ «мемуарного» Петра, столь далёкий от традиций стиля «грандиозари» высоких жанров, оказывается близок по своему пафосу образу Петра в фольклоре, выражая народную мечту о добром и справедливом царе.

Для сравнения в высоком стиле первой трети XVIII века, находящем отражение в жанре *logos panegiricus* Ф. Прокоповича, величие Петра показано в классицистической по духу идее принесения себя в жертву на благо отечества, и неготовности Бога эту жертву принять. Так происходит, например, в «Слове похвальном о баталии Полтавской» (1717), где Ф. Прокопович так представляет эпизод со шведской пулей, пробившей шляпу царя: «О страшный и благополучный случай! Далеко ли смерть была от боговенчанной главы? Не явственно ли сим показа бог, яко сам он с царем нашим воюет? Повеле приступити смерти к нему, но запрети коснуться его»³.

На протяжении всей первой половины XVIII века «пафос торжествующей государственности», являющийся отличительной чертой русской культурной жизни того времени, находил своё отражение в высокопарном верноподданническом стиле, который избирали мемуаристы для рассказа о своих взаимоотношениях с сильными мира сего. Особенно отчётливо он проявляется в «Записках» В. Нащокина, офицера Измайловского полка, дослужившегося в царствование Елизаветы Петровны до чина генерала, внук которого – П. Нащокин – был другом А. С. Пушкина и

¹ Неплюев И. И. Записки // Русский архив. – 1871. № 4–5. – С. 640.

² Там же. – С. 642.

³ Прокопович Ф. Сочинения. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – С. 56.

познакомил поэта с записками своего деда, важными для понимания культурно-исторического менталитета людей того времени.

Отличительной особенностью мемуарного стиля Нащокина является подробное описание придворной жизни и придворного быта. Для этого автор записок включает в них обширные отрывки из камер-фурьерского журнала, содержащие описание официальных торжеств при императорском дворе. В качестве примера можно привести октябрьские торжества и увеселения в Петербурге 1754 года в честь рождения великого князя Павла Петровича, кульминацией которых стала великолепная аллегорическая иллюминация. Обращает на себя внимание использование мемуаристом высокого штиля с элементами канцеляризмов всякий раз, когда его путь пересекается с правителями империи. В то же время обычный стиль его мемуарного повествования тяготеет к среднему, без использования иноязычной лексики. Достаточно было императрице Елизавете Петровне с одобрением отозваться о сыновьях мемуариста, Воине и Петре – «всемиловитейше изволила милосердно сказать»¹, первый из которых был её крестником, как Нащокин чувствует себя на вершине блаженства: «И с такою неизреченною милостию от всеавгустейшей Государыни и Великой Монархини из дворца поехал с несказанным обрадованием»². Когда в 1748 году Нащокин, произведённый в лейб-гвардии секунд-майоры, отправляется в Зимний дворец «всепопданнейше» благодарить императрицу за милость и «сподобился слышать освещённое монаршеское слово: „Будь здоров; я тебе желаю больше чину“», – его вернопопданническая реакция не заставляет себя ждать: «Сим обрадованный, я раболепственно поклонился к ногам Ее освященного Величества, всемиловитейшей Государыни»³.

Такие «вернопопданнические» настроения, характерные для менталитета людей I половины XVIII века, будут вызывать презрение у поколения их внуков, к которому принадлежали А. С. Пушкин и П. Нащокин. Внуки будут видеть в поведении дедов лишь подлость и грубую лесть, пример которой подавал герой комедии А. Грибоедова «Горе от ума» Максим Петрович, чьё поведение на куртаге императрицы Екатерины II в благо-

склонной передаче Фамусова (поколение дедов) вызывает резкое неприятие Чацкого.

Однако для поколения генерала Нащокина история делалась *только* при дворе, и творцами этой истории были, прежде всего, коронованные особы. Для реалий XVIII века – это «бабье царство». Именно так охарактеризовала его американская исследовательница М. Л. Марпезе в своей книге “A woman’s kingdom: noblewomen and the control of property in Russia, 1700–1861”, переведённой на русский язык в 2009 году. Именно поэтому мемуарист так почитаем по отношению ко всем без исключения коронованным особам I половины XVIII века, будь это великий Петр или грубая и необразованная императрица Анна Иоановна, которой русский историк В. О. Ключевский уже в XIX столетии будет давать очень жёсткие характеристики. Ключевский напишет: «Рослая и тучная, с лицом более мужским, нежели женским, чёрствая по природе... она привезла в Москву злой и мало образованный ум с ожесточённой жадностью запоздалых удовольствий и грубых развлечений» [7, с. 294].

Для Нащокина же Анна Иоановна – Её Императорское Величество, которое «всемиловитейше изволила прибыть»⁴ в Москву на коронацию, «изволила объявить себя полковником в Измайловский полк», а при окончании турецкого похода 1740 года после прибытия гвардии в Петербург, «из рук своих изволила жаловать каждого (гвардейского офицера – Е. П.) Венгерским вином по бокалу»⁵. Поступки императрицы, почти как в эпоху Средневековья, не подлежат обсуждению (и тем более осуждению!) подданных, поскольку верховная власть происходит от Бога, в качестве *alter ego* которого и выступает правитель.

Ситуация изменяется в эпоху высокого Просвещения, когда просвещённый монарх на деле должен был доказывать подданным свою мудрость, умение награждать достойных, наказывать порок и быть нечувствительным к лести. Если монарх не обладает данными качествами, то он уже может стать объектом критики со стороны подданных.

Пример подобной критики мы находим в «Записках» князя Я. Шаховского, обер-прокурора Святейшего Синода, конференц-министра, генерал-прокурора Сената. В глазах современников и потомков Шаховской стал символом идеального государственного человека. Так, издатель записок в 1872 году М. Семевский считал жизнеописание кня-

¹ Нащокин В. А. Записки // Империя после Петра: 1725–1765 гг. Записки русских сановников, приближённых к трону. – М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. – С. 315.

² Там же.

³ Там же. – С. 268.

⁴ Нащокин В. А. Записки // Империя после Петра: 1725–1765 гг. Записки русских сановников, приближённых к трону. – М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. – С. 242.

⁵ Там же. – С. 257.

зя Якова Петровича Шаховского крайне поучительным, подчёркивая дидактическую составляющую текста, так как «едва ли кто другой из его сотоварищей подвергался стольким превратностям, стольким разочарованиям, и, несмотря на всё это, остался твёрдым, непреклонно-честным и правдивым человеком» [13, с. 13]. Работающий над своими записками в конце 60-х – начале 70-х годов, Шаховской не побоялся одним из первых разрушить блестящий гинекратический миф о «дщери Петровой», созданный поэтическим талантом М. Ломоносова. У Ломоносова образ Елизаветы Петровны воплощает собой женский идеал правительницы, хорошо знакомую русскому читателю культурную мифологию Минервы и Венеры, то есть соединение героизма (мужества) и красоты в едином гинекратическом идеале. Так, в оде 1742 года «На прибытие...императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург по коронации» Елизавета характеризуется как «...слава жен во свете славных, России радость, страх врагов Краса владительниц державных»¹. Поэт создаёт андрогинный идеал правителя, заявляя: «В ней зрятя истинны доброты, Геройство, красота, щедроты»².

Напротив, в записках Шаховского императрица предстаёт не как богиня, сходящая на землю, а как женщина на троне, не лишённая обычных человеческих недостатков. Так, будучи по природе скуповата, она долгое время «забывает» выплачивать жалованье Шаховскому за его службу в Синоде, ссылаясь на свою забывчивость распорядиться об этом. Императрица – капризна и обидчива, о чём свидетельствует эпизод с пустым пивоваренным заводом, когда Елизавета, поверив доносу, что Шаховской велел в место, где императрице в Москве полпиво и кислые щи разливают и варят, положить больных с прилипчивыми болезнями и приказывает всех больных перевести в дом Шаховского, не исключая собственной спальни мемуариста. Лишь через несколько недель после личного письма мемуариста ситуация разъяснилась, и императрица прислала ответ «с весьма сожалительными выражениями о том моём оскорбительном... приключении»³. Поэтому мемуарист не может не рассуждать о трудностях управления государством, когда монарха со всех сторон окружают коварные и лживые вельможи, умеющие пользо-

вать его слабостями: «Самый лучший государь предан и продан бывает. Он есть игрушка тех и жертва, которые от него скрывают истину»⁴.

Наблюдая в непосредственной близости «бабье царство» русских императриц, включая Екатерину II, Шаховской позволяет себе в записках «некоторое роптание» на то, «для чего Всевышний удостоиваемых образ его носить не одаряет своим провидением, без коего наирозумнейшие, добродетельнейшие... монархи не могут избежать зловарных сетей, в которые льстецы, ко исполнению своих жадных лакомств и прочих пристрастий их заводят»⁵. Одновременно с этим «льстецы», подлые советники и корыстные вельможи, «хитрыми своими предупреждениями повреждают и отгоняют беспристрастно с искренною любовью монархам и отечеству служащих людей»⁶. К последним людям мемуарист, безусловно, относит и себя. Его мемуары, являясь одним из знаковых текстов русского классицизма, становятся первым предвестником демифологизации образа правителя в литературном пространстве русского XVIII века.

Продолжение данной традиции можно найти в «Записках» Г. Державина, созданных знаменитым поэтом в 1813 году. Записки не раз критиковались исследователями за их чрезмерную для начала XIX века архаичность, пафос торжествующей государственности, выдержанный в лучших традициях эстетики классицизма. Так, литературовед и историк П. М. Бицилли назвал записки Державина «типичный образец... не "литературы", а "письменности": мемуаров служилого человека» [2, с. 373], вырастающей из отчётов по службе. На такую мысль П. М. Бицилли натолкнуло, прежде всего, использование Державиным в записках 3-го лица вместо традиционного для автобиографического текста 1-го лица. Но для Державина использование 3-го лица означало возможность достижения такого уровня объективности повествования, который присутствовал в «Истории Галльской войны» Ю. Цезаря. Это была возможность «встать над схваткой», моделируя на себя образ идеального вельможи, с высоты которого мемуарист уже мог вершить свой суд над «сильными мира сего».

Как и Шаховской, Державин в образе идеального вельможи с удовольствием моделирует в записках конфликтные ситуации с сильными мира сего, совершающими предо-

¹ Ломоносов М. В. Сочинения. – М.: Гослитиздат, 1957. – С. 24.

² Там же. – С. 28.

³ Шаховской Я. П. Записки. – СПб.: Тип. В. С. Балашова, 1872. – С. 101.

⁴ Шаховской Я. П. Записки. – СПб.: Тип. В. С. Балашова, 1872. – С. 16.

⁵ Там же. – С. 204.

⁶ Там же.

судительные деяния с точки зрения законов справедливости и добродетели. Например, Шаховской мужественно отказывает великому князю Петру Федоровичу в выплате больших денежных средств из казны, предназначенных, по мнению мемуариста, «в пользу фабрикантам, откупщикам», стремящимся «к непристойным выгодам»¹. Из-за этого наследник престола обещает, что «...когда Бог возведёт его» на престол, «он покажет публике Шаховского на эшафоте»². Реакция мемуариста выдержана в лучших традициях классицистического ригоризма: «...лучше невинно умереть, нежели для угождения богомерзких и бесчестных пристрастий жить»³. В случае с Державиным причиной столкновения Вельможи-Поэта и Павла I становится «хищническая алчность» графа А. Куракина, генерал-прокурора Российской империи, решившего нажиться на перепродаже подаренных ему ранее императором казённых земель. Державин высмеял такое поведение в анакреонтической песне «К самому себе», сделав всё возможное, чтобы она дошла до ушей государя. В результате в записках происходит драматическая сцена, когда «император, проходя в церковь, между собравшимися в проходной зале увидел Державина, с яростным взором, по обыкновению его, раздвигая ноздри, так фыркнул, что многие то приметили и думали, что, верно, отошлёт Державина в ссылку или, по крайней мере, вышлет из города в деревню; но Державин, надеясь на свою невинность, пошёл, будто ничего не приметя, в церковь, помолился богу и дал себе обещание в хвалу божью выпросить к своему гербу надпись: “Силою вышнюю держусь”»⁴. Действительно, наказания за поэтическую дерзость не последовало.

Более сложные отношения у Державина складывались с Екатериной II. Российская Минерва, превратившаяся под пером Державина в киргиз-кайсацкую царевну Фелицу, в оде «Изображение Фелицы» в ответ на призывы поэта к «новому Рафаэлю» изобразить её в образе нового Соломона «Она б рекла: “Я человек”»⁵. Быть человеком в контексте мифа о Фелице означало быть гуманной и доступной для своих подданных. Когда против-

ники императрицы обвиняли Екатерину II в политическом лицемерии и двуличии, она горячо доказывала, что это не лицемерие как таковое, а черта характера. Рисуя портреты современников и самой себя, она позволила себе шуточное предсказание о возможной причине собственной смерти: «Я умру от услужливости»⁶. Эта услужливость (или «человеческий» аспект бытия Фелицы) неоднократно получала подтверждение в мемуарно-автобиографической литературе. Так, в «Воспоминаниях» графини В. Н. Головиной императрица выступает заботливой хозяйкой дворца Малый Эрмитаж, чьё «внимание к окружающим простиралось до того, что она сама спускала шторы, если солнце беспокоило кого-нибудь»⁷.

В записках Державина происходит демифологизация культурных ономофимов императрицы как Минервы и Фелицы. Мемуарист намеренно подчёркивает неспособность или нежелание Екатерины II исполнять свои обязанности просвещённого правителя, в частности, творить справедливый суд. Характерен эпизод в записках, связанный с делом иркутского генерал-губернатора И. В. Якоби, когда Державин, будучи статс-секретарём императрицы, делает доклад, желая доказать полную невинность подсудимого.

Приведём обширную цитату, чтобы продемонстрировать механизм столкновения в тексте записок государственного культурного мифа о Российской Минерве и правды мемуарного факта. Державин пишет: «При продолжении Якобиева дела вспыхивала, возражала на его примечания, и один раз с гневом спросила, кто ему приказал и как он смел с соображением прочих подобных решенных дел Сенатом выводить невинность Якобия. Он твёрдо ей отвечивал: “Справедливость и ваша слава, Государыня, чтоб не погрешили чем в правосудии”. Она покраснела и выслала его вон, как и нередко то в продолжение сего дела случалось. В один день, когда она приказала ему после обеда быть к себе (это было в октябре месяце), случился чрезвычайный холод, буря, снег и дождь, и когда он, приехав в назначенный час, велел ей доложить, она чрез камердинера Тюльпина сказала: “Удивляюсь, как такая стужа вам гортани не захватит” и приказала ехать домой»⁸. Очевидно, что в

⁶ Екатерина II. Портреты современников и самоё себя // Памятник моему самолюбию. — М.: Эксмо, 2003. — С. 135.

⁷ Головина В. Н. Воспоминания. — М.: Захаров, 2006. — С. 35.

⁸ Державин Г. Р. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 6. Переписка (1794–1816) и «Записки». — СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1871. — С. 636.

¹ Шаховской Я. П. Записки. — СПб.: Тип. В. С. Балашова, 1872. — С. 157.

² Там же. — С. 158.

³ Там же.

⁴ Державин Г. Р. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 6. Переписка (1794–1816) и «Записки». — СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1871. — С. 745.

⁵ Державин Г. Р. Стихотворения. — Л.: Советский писатель, 1957. — С. 142.

данном случае образ Северной Семирамиды, Минервы и даже Фелицы заменяется Державиным образом раздражительной пожилой женщины, оберегающей свой покой и уже не желающей бороться с многочисленными проблемами, возникающими на каждом шагу в управляемой ею империи. Поэтому Державин именно в мемуарно-автобиографической прозе отказывает Екатерине II в титуле *великой* государыни, поскольку она «не всегда держалась священной справедливости, но угождала своим окружающим, а паче своим любимцам, как бы боясь раздражить их; и потому добродетель не могла, так сказать, сквозь сей чесночник пробиться и вознестись до надлежащего величия»¹. Отметим, что благодаря активной помощи Державина И. В. Якоби был полностью оправдан, а доносчики, напротив, понесли наказание.

Разумеется, точка зрения Державина-мемуариста как современника екатерининского правления на протяжении тридцати лет, в значительной мере отличалась от точки зрения младших современников-потомков екатерининской эпохи, оценивающих её с точки зрения последующих царствований по законам вторичной мифологизации. Так, С. Н. Глинка, родившийся в 1776 году, издатель журнала «Русский вестник» в эпоху Отечественной войны 1812 года, писал в своих «Записках» следующее: «Екатерина II, очаровав царствованием своим умы дворян, подносила им волшебной рукой золотой сосуд, из которого они пили забвение прошедшего и беспечность в будущем. Им казалось, что Екатерина условила с судьбой жить вечно, и что они всегда будут жить её жизнью. Ту же беспечность передавали они и детям своим»². В данном случае мы имеем дело с классической мифологемой «золотого века».

Образ отрицательного правителя в этической концепции русской трагедии или оды XVIII века – это почти всегда образ правителя-тирана в духе Димитрия Самозванца трагедий или «нестройного царя», являющегося «идолом гнусным» од А. Сумарокова. Мемуарная литература даёт большее разнообразие подобных типов. Одним из самых ярких является образ императора Петра III в «Жизни и приключениях А. Т. Болотова», известного просветителя, учёного-помолога, одного из создателей садово-паркового искусства в России. Являя своей жизнью сентименталь-

ный образ бытия человека, далёкого от «пафоса торжествующей государственности», вышедшего в отставку в 24 года, воспользовавшись знаменитым Указом о Вольности дворянской и более нигде официально не служившего, Болотов, тем не менее, критиковал императора за его комплекс *Номо Ludens*, свидетелем которого он стал сам, будучи адъютантом генерал-полицмейстера Петербурга Н. А. Корфа.

Дурачества нового императора, прыгающего на одной ножке в саду вместе со своими генералами, вызывают искреннее возмущение автора записок, позволяя смотреть на Петра III как на императора неразумного. Мемуарист пишет: «Каково же нам было тогда смотреть на зрелище сие из окон и видеть сим образом всех первейших в государстве людей, украшенных орденами и звездами, вдруг спрыгивающих, толкущихся и друг друга наземь валяющих?»³ Иногда неприятие Болотовым императора Петра III приобретает даже открыто гендерный характер как резкая антитеза гинекратическому правлению императрицы Елизаветы Петровны: «Родившись и проводив все дни под кротким правлением женским, все мы к оному так привыкли, что правление мужское было для нас очень дико и ново»⁴. Для сравнения, говоря о «сильных мира» сего, которых он не видел лично и не мог составить собственного мнения, Болотов использует риторическую экспрессию классицизма, «слог» официальных манифестов. Например, узнав во время своей службы в Кёнигсберге о смерти императрицы Елизаветы Петровны, он приводит её характеристику вполне в духе «пафоса торжествующей государственности»: «...она была образцовая монархиня, в которой соединены были все свойства великой государыни и правительницы, хвалы достойной»⁵.

Решительный поворот от классицизма к сентиментализму и далее к романтизму резко изменяет привычные критерии идеального монарха. На смену Минерве, Фелице или Марсу приходят Амуры и Психеи, как это происходит в «Воспоминаниях» графини В. Головиной, фрейлины Екатерины II, ставшей подругой великой княгини Елизаветы Алексеевны, юной супруги будущего императора Александра I. Головина создаёт в своих воспоминаниях культурный миф о Елизавете – Психее, приехавшей в Россию робкой 13-лет-

¹ Державин Г. Р. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 6. Переписка (1794–1816) и «Записки». – СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1871. – С. 701.

² Глинка С. Н. Записки. М.: Захаров, 2004. – С. 19–20.

³ Болотов А. Т. Жизнь и приключения А. Болотова, писанные им самим для своих потомков. – М.: Современник, 1986. – С. 429.

⁴ Там же. – С. 372.

⁵ Там же. – С. 379.

ней девочкой и со временем превратившейся в одну из самых очаровательных женщин Европы своего времени, которую современники, не сговариваясь, называли ангелом.

Описание свадьбы Елизаветы и Александра 23 сентября 1793 года – кульминация культурного мифотворчества и образец авторской сентиментальной чувствительности: «Когда молодые поднялись на возвышение, всеми овладело чувство умиления: они были хороши, как ангелы <...> Ничего не могло быть интереснее и красивее этой прелестной пары: Александр и Елизавета. Их можно было сравнить с Амуром и Психеей»¹. В данном случае ономои́ф Амура и Психеи является воплощением эмоционального кода сентиментализма, имеющего интернациональный характер и реализующего себя во многих текстах эпохи, начиная с «Душеньки» И. Богдановича. Однако только в автодокументальных текстах, не предназначенных к немедленной публикации, эти ономои́фы применительно к императорской фамилии не только намечались, как это происходило в поэзии Г. Р. Державина (песня «Амур и Психея», 1793), но и получали фабульное развитие.

В случае с воспоминаниями Головиной, автор не ограничивается державинской анекдотической памятью о ленте, перевившей венценосных отроков так плотно, что её пришлось разрезать. В её воспоминаниях формируется сентиментальный хронотоп Дружбы между мемуаристкой и великой княгиней. Этот хронотоп включает в себя как «чувствительные», так и величественные пейзажи природы, будь то гроза в Красном Селе или идиллия летней прогулки на Дудергоф, когда «многочисленная свита и финская тележка напоминали волшебную сказку и, казалось, скрывали в себе что-

то таинственное»². Это составляет отличительную черту сентименталистской эстетики, достаточно вспомнить психологизм «натуры» в «Бедной Лизе» Н. Карамзина. Что касается хронологического аспекта, то он реализует себя в описании мистического единения душ двух подруг в утренних или вечерних сумерках, времени суток, столь любимого сентименталистской эстетикой.

Сентиментальный дискурс был последней проекцией образа «сильных мира сего» в мемуарной литературе. Начиная с Отечественной войны 1812 года, изображение монархов перестаёт быть самоценным в отечественной словесности, перейдя из сферы культурно-эстетической и этической в сферу культурно-историческую.

Заключение. Рассмотрение многих знаковых мемуарных текстов XVIII века доказывает, что, во-первых, изображение правящих монархов в них строится по общим законам развития литературных направлений, эволюционируя от классицистического дискурса к дискурсу сентименталистскому. Во-вторых, в силу общей «альтернативности» мемуарной литературы по сравнению с литературой художественной изображение монарха, претендующего на статус идеального, может в ней в значительной степени отличаться от традиций государственного мифотворчества, проявляющего себя в высоких жанрах художественной литературы. Эта традиция отчётливо проявляется в мемуарах Г. Державина, А. Болотова, показывая правду мемуарного факта, влияние которой будет особенно актуализировано с начала XIX века, с эпохи наполеоновских войн, предъявившей новые требования к личности, в том числе и к личности правящего монарха.

Список литературы

1. Абрамзон Т. Е. Поэтические мифологии XVIII века: Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин. Магнитогорск: Магнитогорск. гос. ун-т, 2006. 479 с.
2. Бицилли П. М. Трагедия русской культуры. Исследования. Статьи. Рецензии. М.: Русский путь, 2000. 608 с.
3. Гачев Г. Частная честная жизнь. Альтернативная русская литература // Литературная учёба. 1989. № 3. С. 119–128.
4. Живов В. М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Из истории русской культуры XVIII – начала XIX в.: в 5 т. Т. 4. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 657–685.
5. Зорин А. Л. «Кормя двуглавого орла»: Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
6. Зорин А. Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.
7. Ключевский В. О. Сочинения: в 8 т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1957. 426 с.
8. Левитт М. Визуальная доминанта в России XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 528 с.

¹ Головина В. Н. Воспоминания – М.: Захаров, 2006. – С. 119.

² Там же. – С. 124.

9. Плампер Ян. История эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 568 с.
10. Прокопович Ф. Сочинения. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 502 с.
11. Проскурина В. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 328 с.
12. Проскурина В. Империя пера Екатерины II. Литература как политика. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 256 с.
13. Семевский М. От издателя // Записки князя Я. П. Шаховского. СПб.: Типография В. С. Балашова, 1872. С. 13–22.
14. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX века. М.: Наука, 1991. 288 с.
15. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М.: Наука, 1980. 288 с.
16. Baehr S. L. The Paradise Myth in Eighteenth Century Russia: Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. – Stanford: Stanford University Press, 1991. 308 p.
17. Bardon F. Le Portrait mythologique a la cour de France sous Henri IV et Louis XIII : mythologie et politique. Paris: A. et J. Picard, 1974. 326 p.
18. Wortman Richard S. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1. From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton: Princeton University Press, 1995. 469 p.

Статья поступила в редакцию 29.07.2019; принята к публикации 25.08.2019

Сведения об авторе

Приказчикова Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира 19; e-mail: miegata-logos@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9018-6213.

Библиографическое описание статьи

Приказчикова Е. Е. Изображение монархов в русской мемуарной литературе XVIII века: в поисках образа идеального правителя // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 5. С. 119–128. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-5-119-128.

References

1. Abramzon, T. E. Poetic mythologies of the 18th century: Lomonosov, Sumarokov, Kheraskov, Derzhavin. Magnitogorsk: Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Magnitogorsk. State University, 2006. (In Rus.)
2. Bitsilli, P. M. The tragedy of Russian culture. Research. Articles. Reviews. M: Russian way, 2000. (In Rus.)
3. Gachev, G. Private honest life. Alternative Russian Literature. Literary study, .no. 3, pp. 119–128, 1989. (In Rus.)
4. Zhivov, V. M. State myth in the Age of Enlightenment and its destruction in Russia at the end of the XVIII century. From the history of Russian culture of the XVIII – beginning. XIX century: in 5 v. V. 4. M: Languages of Russian culture, 1996: 657–685 (In Rus.)
5. Zorin, A. L. “Nourishing double-headed eagle”: Literature and state ideology in Russia of the last third of the XVIII – the first third of the XIX century. Moscow: New Literary Review, 2001. (In Rus.)
6. Zorin, A. The appearance of the hero; From the history of Russian emotional culture of the end of the XVIII – beginning of the XIX century. M: New Literary Review, 2016. (In Rus.)
7. Klyuchevsky, V. O. Works: in 8 v. V. 3. M: Gospolitizdat, 1957. (In Rus.)
8. Levitt M. Visual dominant in Russia of the XVIII century. M: New Literary Review, 2015. (In Rus.)
9. Plamper, Yang. The history of emotions. M: New Literary Review, 2018. (In Rus.)
10. Prokopovich, F. Compositions. M.-L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961. (In Rus.)
11. Proskurina, V. Myths of the Empire: Literature and Power in the Age of Catherine II. M: New Literary Review, 2006. (In Rus.)
12. Proskurina, V. The Empire of the Pen of Catherine II. Literature as a policy. M: New Literary Review, 2017. (In Rus.)
13. Semevsky, M. From the Publisher. Ya. P. Shakhovskoy. Zapiski. SPb: printing house of V. S. Balashov, 1872: XIII – XXII. (In Rus.)
14. Tartakovsky, A. G. Russian Memoiristics of the XVIII – the first half of the XIX century Moscow: Nauka, 1991. (In Rus.)
15. Tartakovsky, A. G. 1812 and Russian Memoiristics. M: Nauka, 1980. (In Rus.)
16. Baehr, S. L. “The Paradise Myth in Eighteenth Century Russia: Utopian Patterns in the Early Secular Russian Literature and Culture” Stanford: Stanford University Press, 1991. (In Engl.)
17. Bardon, F. Le, France Portrait of Sous Henri IV et Louis XIII: mythologie et politique. Paris: A. et J. Picard, 1974. (In France)

18. Wortman, R. S. Scenarios of power. Myths and ceremonies of the Russian monarchy: from Peter the Great to the death of Nicholas I: in 2 v. V. 1. M: Princeton: Princeton University Press, 1995. (In Engl.)

Received: July 29, 2019; accepted for publication August 25, 2019

Information about author

Prikazchikova Elena E., Doctor of Philology, Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; 19 Mira st., Yekaterinburg, 620002, Russia; e-mail: miegata-logos@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9018-6213.

Reference to the article

Prikazchikova E. E. The Image of Monarchs in Russian Memoir Literature of the the 18th Century: in Search of the Image of an Ideal Ruler // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 5. PP. 119–128. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-5-119-128.